

Серия

«Огненная земля»

Премия им. Томаса Майна Рида

Рамзан Саматов

АМУРСКИЙ СОКОЛ

Роман

Москва

Интернациональный Союз писателей

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Саматов, Рамзан

С17 Амурский сокол : роман / Рамзан Саматов. – Москва : Интернациональный Союз писателей, 2023. – 344 с. – (Серия «Огненная земля» премии им. Томаса Майна Рида).

ISBN 978-5-6049095-3-9

Молодой амурец Сергей Лысенко успешно оканчивает гимназию. Впереди светлая, обеспеченная жизнь у крёстного отца в Харбине. Но судьба вносит свои коррективы...

Российская империя перестает существовать – в Петрограде революция, начинается Гражданская война. Благовещенск под угрозой оккупации японцами. Нужен человек, который вывезет из города золотой запас Дальнего Востока.

Выбор падает на Сергея. Он не по годам дерзкий, волевой, хорошо подготовленный физически. Но справится ли он?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6049095-3-9

© Р. Саматов, 2023
© Интернациональный Союз писателей, 2023

ВЫСОКИЙ, ЯСНЫЙ, ДОСТОЙНЫЙ

Тринадцать с четвертью авторских листов – объём довольно небольшой, хотя по нынешним временам и наиболее востребованный издателями. Однако написать в таких рамках полноценный роман, который предполагает не только много персонажей, но и несколько сюжетных линий, довольно сложно.

И всё же Рамзан Саматов с этой задачей мастерски справился. Перед нами настоящий, полноценный роман. Достигается это невероятной плотностью текста, насыщенностью его фактической информацией, яркими образами, неожиданными коллизиями.

Да, это роман. Причём ещё и остросюжетный. Причём ещё и исторический. И место действия выбрано очень интересное – Приамурье, русский Дальний Восток, граница с Китаем, недалеко Япония. Обращение к тематике, связанной с этим регионом, сегодня невероятно актуально. В наши дни Россия словно бы заново открывает для себя восточную часть страны. Она по-новому осваивает её, как осваивали в XVIII–XIX веках наши предки. И в советские-то времена, когда цены на авиаперевозки по отношению к средней зарплате были намного гуманнее, Дальний Восток ассоциировался разве что с огромными крабами и тиграми в Сихотэ-Алинском заповеднике, изображёнными на марках почты СССР. В постперестроечные времена связи нарушились совсем, даже крабы все ушли на экспорт в Японию и Китай...

Сейчас пришло время всем россиянам – и по эту сторону от Урала, и по ту – почувствовать и осознать, что мы одна страна.

И увлекательная книга Рамзана Саматова способна этому подействовать в большей степени, чем многочисленные громкие призывы и газетные статьи. То, как красочно и выразительно автор «Амурского сокола» описывает Сибирь

и Дальний Восток, способствует их популяризации гораздо сильнее, чем все рекламные ролики вместе взятые. Такова сила художественного слова! Коим Саматов, несомненно, владеет.

Время действия выбрано тоже удачно: два первых десятилетия XX века. Это и национальные восстания в Китае, и русская революция 1905 года, и время царской реакции, и Октябрьская революция, и Гражданская война...

Главный герой романа – Сергей Лысенко, – как принято говорить, ровесник века. Приём не новый, но беспримысленно эффектный. Да и начинается своё повествование автор так же решительно и эффектно: «Мирная жизнь в приграничном Благовещенске закончилась пятнадцатого июля тысяча девятисотого года, в семь часов жаркого вечера, когда с китайского берега Амура прогремел пушечный выстрел, затем такой же второй, третий, четвёртый...»

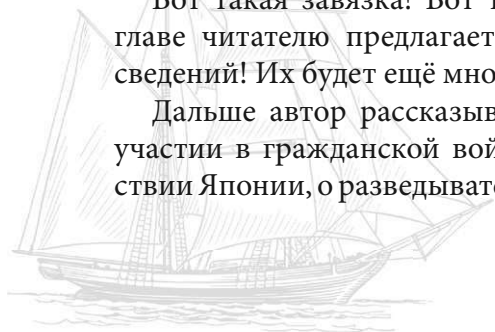
Это начиналось Боксёрское восстание. Возможно, кто-то вспомнит – в школьном учебнике по новейшей истории о нём кратко говорится как об одном из национально-освободительных восстаний. Но Рамзан Саматов показывает, какой реальной трагедией оно обернулось сначала для русских, а потом, когда было жестоко подавлено, – и для китайцев.

В этот ужасный день и рождается на свет Сергей... И тут же теряет всех близких.

Его зовут ясным соколом, потому что, как пишет в примечаниях автор, «имя происходит от римского родового имени Сергиус: высокий, достойный, почтенный, ясный». Отсюда и название романа.

Вот такая завязка! Вот такая экспозиция. Уже в первой главе читателю предлагается большой объём уникальных сведений! Их будет ещё много...

Дальше автор рассказывает о взрослении Сергея, о его участии в гражданской войне в Приамурье, о противодействии Японии, о разведывательной и контрразведывательной

Предисловие

работе. Среди приключений, выпавших на его долю... а точнее, деяний, совершённых им, немало поистине героических. Писатель постепенно придаёт простому на первый взгляд россиянину, жителю Приамурья, черты легендарного воина. Роман, предельно реалистичный и изобилующий многочисленными бытовыми и историческими подробностями, превращается в эпическое полотно.

Рамзан Саматов не новичок в литературе, у него есть и другие произведения, связанные с военной темой: «Путь Воина», «Агент русской разведки». Точнее, сверхидея его литературного творчества связана с темой Воинов. И это не случайно, потому что он и сам тоже Воин, к тому же ещё и Врач. Да-да, военный врач. Прочтите его биографию на задней стороне обложки и убедитесь.

Батальные сцены, описанные им, живописны и пронзительны. При этом не менее живописны, завораживающе красивы его описания дальневосточной природы – лесов, рек, гор, животных. Чего стоит только глава об охоте на медведя-людоеда!.. Да, зло не всегда от людей, но от людей всё же зла больше...

Хороша, старательно продумана и прописана также общая композиция романа. Автор мастерски использует приём «рондо» – кольцевую структуру. Не знаю уж, делает он это осознанно или следуя писательскому чутью, но выходит великолепно! Последняя глава так и называется: «Замыкая круг». Действие происходит в 1921 году... Но пересказывать финал я не буду – читайте сами. Скажу лишь, что он вас порадует.

Однако развязка романа «Амурский сокол» не выглядит финалом истории Сергея Лысенко, ясного сокола. Исподволь напрашивается продолжение.

Ну что ж, поживём – увидим!

*Андрей Щербак-Жуков,
поэт, прозаик, критик*

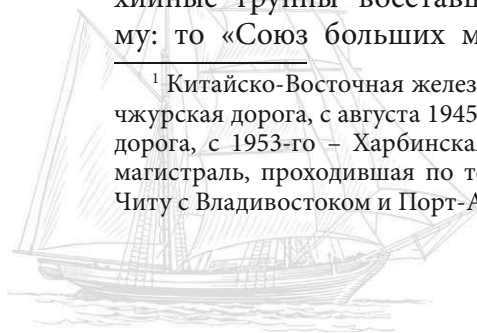
ВОССТАНИЕ

Мирная жизнь в приграничном Благовещенске закончилась пятнадцатого июля тысяча девятисотого года, в семь часов жаркого вечера, когда с китайского берега Амура прогремел пушечный выстрел. Затем такой же второй, третий, четвёртый...

Обстрел производили отряды «гармонии и справедливости». Так себя называли китайские повстанцы ихэтуани, решившие в конце уходящего девятнадцатого века положить конец засилью иностранцев и их вмешательству во внутренние дела своей страны. Особенно болезненно воспринимало такое положение дел население северных провинций Китая. Из-за строительства железных дорог, развития почтовой службы и наплыва чужих товаров многие остались без работы. Источник пропитания потеряли носильщики, лодочники, посыльные, тысячи людей, занятых извозом. Более того, согласно проекту Маньчжурская железная дорога должна была пройти по полям, кладбищам и домам местных жителей и тем самым окончательно обездолить обнищавшее население¹.

В обстановке всеобщего недовольства появились стихийные группы восставших, нарекавшие себя по-разному: то «Союз больших мечей», то «Союз справедливых»,

¹ Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД; до 1917 года – Маньчжурская дорога, с августа 1945 года – Китайская Чанчуньская железная дорога, с 1953-го – Харбинская железная дорога) – железнодорожная магистраль, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром.

то «Кулак во имя справедливости и согласия». Наиболее многочисленными стали Отряды справедливости и гармонии – Ихэтуань. Бойцы отрядов совершенствовали физические навыки в единоборствах, напоминающих европейский бокс, и поэтому их называли «туань» – «кулаками», а ещё – «боксёрами». Само же восстание вошло в историю под названием «Боксёрское»¹.

Когда ихэтуани внезапно обрушили на Благовещенск вал огня, многие не поддались панике, нашлись добровольцы, решившие вместе с войсками гарнизона держать оборону. Большая часть жителей вынужденно укрылась в домах. Среди них была и тридцатилетняя прачка губернатора Грибского – Евдокия Павлова, в девичестве Лысенко. Она находилась в интересном положении, забеременев от губернаторского сына.

Роды начались на исходе второй недели массированного обстрела. Отчаянные стоны роженицы заглушали звуки взрывов. А когда ребёнок Евдокии – весьма крупный мальчик – возвестил о своём появлении на свет громким криком, с противоположного берега Амура был выпущен снаряд, который, преодолев семьсот двадцать шесть метров, упал прямым в двор дома Грибского.

Евдокия, обескровленная тяжёлыми родами, едва нашла в себе силы взглянуть на новорождённого, затем перекрестила его, поцеловала в лоб и протянула китайской повитухе заранее приготовленную записку с мужским именем.

– Ликин, дорогая, ради нашего Бога, береги Серёженьку... Ох-х-х... Ох-х-х... – простонала Евдокия, тяжело и часто

¹ Боксёрское восстание – восстание ихэтуаней (буквально – «отряды гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая в 1898–1901 годах.

дыша. – Я уже не жилица на этом свете... Отнеси в церковь, окрести его.

Тут во дворе прогремел очередной взрыв, и Ликин, маленькая изящная китаянка в русском сарафане, вжала голову в плечи. Дом содрогнулся от взрывной волны, а на улице послышались истошные женские крики: «А-а-а-а... Убили! Господи! Убили!»

Ликин подскочила к окну, перекрестилась – она была христианской веры – и, встав на цыпочки, попыталась рассмотреть происходящее во дворе. Но маленькое мутное окошко полуподвального помещения, где проживала прачка Дуся, не позволило ей ничего увидеть. Вернувшись к постели роженицы, Ликин взяла руку Евдокии в свои маленькие и узкие ладошки.

– Сто ты говорись, Дзуся?! Наса Бозенька не позволица дзицё осцаця без мамы. Надзо молицься, Дзуся!

Она достала из корзины плачущего младенца и положила рядом с матерью.

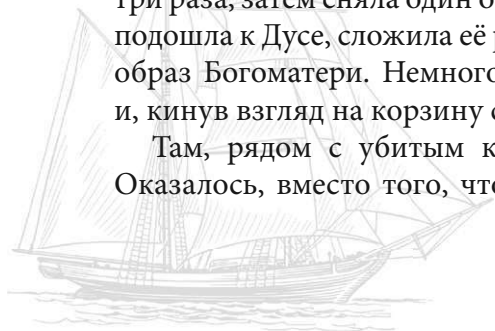
– Дзай грудзь, Дзуся! Пускай мальсика попрубеуец мацеринское молоко... О Бозе!

Ликин снова перекрестилась, заметив, что «Дзуся» уже не дышит.

Заново уложив малыша в корзину, она метнулась к столу за кружкой. Аккуратно высвободила груди из одежды усопшей, нацедила молока, отметив про себя: «На первое время хватит». Затем скрутила чистую тряпочку и, смочив в грудном молоке, сунула притихшему ребёнку в рот. Тот довольно зачмокал.

Ликин обернулась к красному углу, истово перекрестилась три раза, затем сняла один образок и поцеловала. Осторожно подошла к Дусе, сложила её руки на животе, приладила к ним образ Богоматери. Немного подумала о своём, помолилась и, кинув взгляд на корзину с ребёнком, вышла во двор.

Там, рядом с убитым кучером, копошились дворовые. Оказалось, вместо того, чтобы вместе со всеми спрятаться

от обстрела, Пётр решил остаться около своих лошадей. Вот и получил в висок осколком снаряда.

Ликин сразу заметила в скоплении людей конюха Никодима – высокого дородного мужика, неимоверно сильного, судя по бугрящимся мышцами рукам и ногам.

– Никодзи-и-им! – тонко крикнула она. Тот обернулся. – Подзь сюдза!

Ликин довольно сносно говорила по-русски и вообще любила всё русское, даже одежду. Только неистребимый акцент да раскосые глаза выдавали в ней китаянку.

Никодим нехотя оторвался от оживлённого разговора и, по своему обыкновению, медленно двинулся по направлению к ней.

– Чего тебе, Ликин? – пробасил Никодим степенно.

Он относился к китаянке с особенной теплотой. Немалую роль в этом играла искренность, с которой она приняла православную веру.

– Никодзи-им! – сказала Ликин взволнованным шёпотом, округляя, насколько это было возможно, раскосые глаза. – Дзуся умерла!

Никодим снял шапку, перекрестился и, задумчиво почесав затылок, спросил:

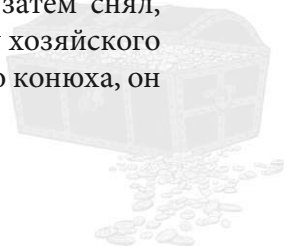
– Как это?! Я же с утра её видел во дворе. Здоровая была. Ну, разве што пузатая...

– Воц! Пузацая была. Цеперь нец. Родзила мальчика. А сама умерла. Надзо похорониць её по-христиански, Никодзим! Бацюшку позваць.

– Ну да, ну да... – Никодим опять почесал затылок. – Вместе с Петром и отпоют...

В это время из открытой двери донёсся плач ребёнка и Ликин, по-бабьи ойкнув, убежала в подвал.

Никодим посмотрел ей вслед, надел шапку, затем снял, перекрестился и, снова надев, зашагал в сторону хозяйского дома – доложить. Помимо обязанностей простого конюха, он

ведал всеми хозяйскими делами на подворье губернаторского дома: медлительность сочеталась в нём с расторопностью и способностью работать без усталости.

Губернатор Благовещенска в это время принимал начальника полиции города. Тот сообщал, что участились погромы в китайских кварталах в связи с провокациями ихэтуаней.

– Есть случаи грабежей и убийств, – услышал Никодим обрывок разговора, переступив порог кабинета.

– Что тебе надобно? – спросил его генерал-лейтенант Грибский.

– Константин Николаевич, у нас во дворе двое Богу представились. Надось распорядиться насчёт похорон.

– Ой, не до тебя сейчас, Никодим. Разберись сам. Видишь, что творится!.. А кто помер-то?

– Дык Петра снарядом убило, а Евдокия при родах померла.

– Да, жаль Петю, хороший был кучер. А которая Евдокия?.. Это та, что с сыном моим путалась? Ребёнок-то жив?!

– Жив...

– Ну ступай, ступай! Сам разберёшься, что делать...

Губернатор вернулся к прерванному разговору:

– Так вот, господин полковник, силами полиции и заинтересованными людьми из числа добровольцев организуйте выселение из города всех китайцев. Это директива господина военного министра Куропаткина.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! – сказал полицейский чин, щёлкнув каблуками.

– И вот ещё что... – Губернатор, приобняв за плечи полицейского полковника, подвёл к окну и стал что-то нашёптывать, касаясь уха собеседника пышными, почти белыми бакенбардами.

Тем временем вокруг Никодима снова собралась толпа. Он коротко распорядился о достойном погребении усопших, после чего поспешил к Ликин.

